

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Д. И. ПИСАРЕВ

СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1956

Д. И. ПИСАРЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 4

СТАТЬИ

1865-1868

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1956

*Подготовка текста
и примечания*
Ю. С. СОРОКИНА

СТАТЬИ

1865-1868

МЫСЛЯЩИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

I

В нашей умственной жизни резко выделяется от остальной массы то направление, в котором заключается наша действительная сила и на которое со всех сторон сыпятся самые ожесточенные и самые смешные нападения. Это направление поддерживается очень малочисленною группою людей, на которую однако, несмотря на ее малочисленность, все молодое смотрит с полным сочувствием, а все дряхлеющее с самым комическим недоверием. Эта группа понемногу расширяется, обогащаясь молодыми деятелями; влияние этой группы на свежую часть общества уже теперь перевешивает собою все усилия публицистов, ученых и других литераторов, подверженных в большей или меньшей степени острым или хроническим страданиям светобоязни;¹ в очень близком будущем общественное мнение будет совершенно на стороне этих людей, которых остальные двигатели русского прогресса постоянно стараются очернить разными обвинениями и заклеить разными ругательными именами. Их обвиняли в невежестве, в деспотизме мысли, в глумлении над наукою, в желании взорвать на воздух все русское общество вместе с русскою почвою; их называли свистунами, нигилистами, мальчишками; для них придумано слово «свистопляска», они причислены к «литературному казачеству», и им же приписаны сооружение «бомбы отрицания» и «калмыцкие набеги на науку».² Об них постоянно болеют душою все медоточивые деятели петербургской и московской прессы; их то распекают, то упраснивают, то поднимают на смех, то отрекаются от них, то увещевают; но ко всем этим изъявлениям участия они остаются глубоко равнодушны. Худы ли, хороши ли их убеждения, но они у них есть, и они ими дорожат; когда можно, они проводят их в общество; когда нельзя — они молчат; но лавировать и менять флаги они не хотят, да и не умеют. Доля их кажется большинству незавидной, но они не могли

бы по натуре своей переменить ее. Из них вышли люди, которым досталась слава геройских страданий, гонений неутомимой, ненасытной ненависти. Другим встречались лишь тысячи мелких врагов, и в борьбе с препятствиями недостойными, презираемыми проходила их деятельность, которая видела вдали для себя более широкое поприще и была достойна его. Это тяжело, но им много помогает переносить все невзгоды то обстоятельство, что они уверены в себе и любят живую, сознательную любовь свои идеалы. Их не удивляют и тем более не раздражают комедии с переодеваниями, разыгрываемые нашими публицистами; в глубину отечественной учености они не верят; красотой отечественной беллетристики не восхищаются; к одним проявлениям нашей умственной жизни они равнодушны; к другим относятся с самым спокойным, глубоко сознательным и совершенно беспощадным презрением. Да и может ли быть иначе, когда в литературе, как и в обществе, целая пропасть отделяет их от официозных и патентованных наставников массы? В литературе они стоят совершенно в стороне от остальной толпы и не чувствуют ни надобности, ни желания приблизиться к ней или сойтись с ее искусственными представителями на чем бы то ни было. В обществе они не боятся своего нынешнего одиночества. Они знают, что истина с ними, они знают, что им следует покойною и твердою поступью идти вперед по избранному пути и что рано или поздно за ними пойдут все. Эти люди фанатики, но их фанатизирует трезвая мысль, и их увлекает в неизвестную даль будущего очень определенное и земное стремление доставить всем людям вообще возможно большую долю простого житейского счастья.

По мнению Молчалиных и Полониев³ журналистики и общества, это очень глупые и дурные люди, и к наиболее глупым и дурным из этих отверженных людей давно уже единогласно причислен ими автор романа «Что делать?». Но из всего, написанного им, всего хуже и всего глупее объявлен именно этот роман:

И действительно немудрено, что таков был общий голос всех критиков. Никогда еще то направление, о котором я упомянул вначале, не заявляло себя на русской почве так решительно и прямо, никогда еще не представлялось оно взорам всех ненавидящих его так рельефно, так наглядно и ясно. Поэтому всех, кого кормит и греет рутина, роман г. Чернышевского приводит в неописанную ярость. Они видят в нем и глумление над искусством, и неуважение к публике, и безнравственность, и цинизм, и, пожалуй, даже зародыши всяких преступлений. И, конечно, они правы: роман глумится над их эстетикой, разрушает их нравственность, показывает лживость их целомудрия, не скрывает своего презрения к своим судьям. Но все это не составляет и сотой доли прегрешений романа; главное в том, что он мог сделаться знаменем ненавистного им направления, указать ему ближайшие цели и вокруг них и для них собрать все живое и молодое.

С своей точки зрения наставники наши были правы; но я слишком уважаю своих читателей и слишком уважаю самого себя, чтобы доказывать им, как бесконечно позорно для них это обстоятельство и как глубоко уронил их роман «Что делать?» тою ненавистью и яростью, которые поднялись против него. Читатели мои, разумеется, очень хорошо понимают, что в романе этом нет ничего ужасного. В нем, напротив того, чувствуется везде присутствие самой горячей любви к человеку; в нем собраны и подвергнуты анализу пробивающиеся проблески новых и лучших стремлений; в нем автор смотрит вдаль с тою сознательною полнотою страстной надежды, которой нет у наших публицистов, романистов и всех прочих, как они еще там называются, наставников общества. Оставляя верным всем особенностям своего критического таланта и проводя в свой роман все свои теоретические убеждения, г. Чернышевский создал произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное. Достоинства и недостатки этого романа принадлежат ему одному; на остальные русские романы он похож только внешнею своею формою: он похож на них тем, что сюжет его очень прост и что в нем мало действующих лиц. На этом и оканчивается всякое сходство. Роман «Что делать?» не принадлежит к числу сырых продуктов нашей умственной жизни. Он создан работою сильного ума; на нем лежит печать глубокой мысли. Умея вглядываться в явления жизни, автор умеет обобщать и осмысливать их. Его неотразимая логика прямым путем ведет его от отдельных явлений к высшим теоретическим комбинациям, которые приводят в отчаяние жалких рутинеров, отвечающих жалкими словами на всякую новую и сильную мысль.

Все симпатии автора лежат безусловно на стороне будущего; симпатии эти отдаются безраздельно тем задаткам будущего, которые замечаются уже в настоящем. Эти задатки зарыты до сих пор под грудой общественных обломков прошедшего, а к прошедшему автор, конечно, относится совершенно отрицательно. Как мыслитель, он понимает и, следовательно, прощает все его уклонения от разумности, но, как деятель, как защитник идеи, стремящейся войти в жизнь, он борется со всяким безобразием и преследует ирониею и сарказмом все, что бременит землю и коптит небо.

II

В начале пятидесятых годов живет в Петербурге мелкий чиновник Розальский. Жена этого чиновника, Марья Алексеевна, хочет выдать свою дочь, Веру Павловну, за богатого и глупого жениха, а Вера Павловна, напротив того, тайком от родителей выходит замуж за медицинского студента Лопухова, который, чтобы жениться, оставляет академию за несколько недель

до окончания курса. Живут Лопуховы четыре года мирно и счастливо, но Вера Павловна влюбляется в друга своего мужа, медика Кирсанова, который также чувствует к ней сильную любовь. Чтобы не мешать их счастью, Лопухов официально застреливается, а на самом деле уезжает из России и проводит несколько лет в Америке. Потом он возвращается в Петербург под именем американского гражданина Чарльза Бьюмонта, женится на очень хорошей молодой девушке и сходитя самым дружеским образом с Кирсановым и его женою, Верою Павловною, которые, конечно, давно знали настоящее значение его самоубийства. Вот весь сюжет романа «Что делать?», и ничего не было бы в нем особенного, если бы не действовали в нем новые люди, те самые люди, которые кажутся проницательному читателю очень страшными, очень гнусными и очень безнравственными. «Проницательный читатель», над которым очень часто и очень сурово потешается г. Чернышевский, не имеет ничего общего с тем простым и бесхитростным читателем, которого любит и уважает каждый пишущий человек. Простой читатель берет книгу в руки для того, чтобы приятно провести время, или для того, чтобы чему-нибудь научиться, а проницательный — для того, чтобы покуражиться над автором и произвести его идеям инспекторский смотр. Простой читатель, встретивший новую мысль, может не согласиться с нею, но может и согласиться. Проницательный читатель всякую новую идею считает за дерзость, потому что эта идея не принадлежит ему и не входит в тот замкнутый круг воззрений, который, по его мнению, составляет единственное вместилище всякой истины. У простого читателя есть предрассудки самого скромного свойства, вроде того, например, что понедельник — тяжелый день или что не следует тринадцати человекам садиться за стол. Эти предрассудки происходят от умственного неряшества; они не могут считаться неизлечимыми и большею частью не мешают простому читателю выслушивать без злобы мнения умных и развитых людей. Предрассудки проницательного читателя отличаются, напротив того, книжным характером и теоретическим направлением. Он все знает, все предугадывает, обо всем судит готовыми афоризмами и всех остальных людей считает глупее себя. Мысль его протоптала себе известные дорожки и только по этим дорожкам и двигается. Паншин (в «Дворянском гнезде») и Курнатовский (в «Накануне») могут считаться превосходными представителями этого типа. В жизни действительной проницательные читатели всего чаще попадают между теми людьми, для которых умственный труд составляет профессию. Всякая посредственность, пошедшая по этому пути, неминуемо превращается в проницательного читателя. Весь запас мыслей, сидевших в голове посредственности, очень быстро вытряхивается наружу, и тогда приходится повторяться, фразерствовать, переливать из пустого в порожнее, глупеть от этого приятного занятия и вследствие

всего этого проникаться глубочайшею ненавистью ко всему, что размышляет самостоятельно. Большинство профессоров и журналистов всех наций принадлежат к скучнейшему разряду проницательных читателей. Все эти господа могли бы быть очень милыми, простыми и неглупыми людьми, но их изуродовало ремесло, точно так же как ремесло уродует портных, сапожников, гранильщиков. Они натерли себе на мозгу мозоли, и мозоли эти дают себя знать во всех суждениях и поступках проницательных читателей. Проницательный читатель скрежещет зубами, когда говорят о новых людях, а простому читателю скрежетать по этому случаю нет никакой надобности. Простой читатель улыбается добродушною улыбкою и говорит преспокойно: «Ну, посмотрим, посмотрим, какие это новые люди?» — А вот и посмотри.

Над существованием новых людей прежде всех задумался в нашей беллетристике Тургенев. Инсаров был неудачною попыткою в этом направлении; Базаров явился очень ярким представителем нового типа; но у Тургенева, очевидно, не хватило материалов для того, чтобы полнее обрисовать своего героя с разных сторон. Кроме того, Тургенев, по своим летам и по некоторым свойствам своего личного характера, не мог вполне сочувствовать новому типу; в его последний роман вкрались фальшивые ноты, которые вызвали со стороны «Современника» строгую и несправедливую рецензию г. Антоновича.⁴ Эта рецензия была ошибкою, и лучшим ее опровержением является роман г. Чернышевского, в котором все новые люди принадлежат к базаровскому типу, хотя все они обрисованы гораздо отчетливее и объяснены гораздо подробнее, чем обрисован и объяснен герой последнего тургеневского романа. Тургенев — чужой в отношении к людям нового типа; он мог наблюдать их только издали и отмечать только те стороны, которые обнаруживают эти люди, приходя в столкновение с людьми совершенно другого закала. Базаров является один в таком кругу, который вовсе не соответствует его умственным потребностям; Базарову некого любить и уважать, и потому всякому читателю, а «проницательному» в особенности, может показаться, что Базаров неспособен любить и уважать. Это последнее мнение составляет совершенную нелепость; нет того человека, у которого не было бы способности и потребности любить и уважать подобных себе людей; ничто не дает нам права думать, чтобы Тургенев захотел взвести на своего героя такую пустую небылицу; он просто не знал, как держат себя Базаровы с другими Базаровыми; не знал, как проявляются у таких людей чувства серьезной любви и сознательного уважения; он чувствует небывалость этого типа и недоумевает перед ним, да так и останавливается на этом недоумении все-таки потому, что не хватает материалов. Если бы г. Чернышевскому пришлось изображать новых людей, поставленных в положение Базарова, то есть окруженных всяким старьем и тряпьем, то его Лопухов, Кирсанов, Рахметов стали бы держать

себя почти совершенно так, как держит себя Базаров. Но г. Чернышевскому нет никакой надобности поступать таким образом. Он знает не только то, как думают и рассуждают новые люди (это знает и Тургенев — по журнальным статьям, писанным новыми людьми), но и то, как они чувствуют, как любят и уважают друг друга, как устроят свою семейную и вседневную жизнь и как горячо стремятся к тому времени и к тому порядку вещей, при которых можно было бы любить всех людей и доверчиво протягивать руку каждому. После этого нетрудно понять, почему Тургенев принужден был в своем Базарове остановиться на одной суровой стороне отрицания и почему, напротив того, под рукою г. Чернышевского новый тип вырос и выяснился до той определенности и красоты, до которой он возвышается в великолепных фигурах Лопухова, Кирсанова и Рахметова.

Новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни, и этот взгляд на труд составляет чуть ли не самое существенное различие между старыми и новыми людьми. Повидимому, тут нет ничего особенного. Кто же отказывает труду в уважении? Кто же не признает его важности и необходимости? Лорд-канцлер Великобритании, сидящий на шерстяном мешке ⁵ и получающий за это сидение по несколько десятков тысяч фунтов стерлингов в год, твердо убежден в том, что он берет плату за труд и что он с полным основанием может сказать фабричному работнику: *My dear, * мы с тобой трудимся на пользу общества, а труд — святое дело.* И лорд-канцлер это скажет, и граф Дерби это скажет, потому что он тоже доставляет себе труд класть в карман поземельную ренту, а между тем какие же они новые люди? Они джентльмены очень старые и очень почтенные. Новые люди отдают полную справедливость тому и другому их качеству, но сами никогда не согласятся уважать труд так, как уважают его лорд-канцлер и граф Дерби; сами они никогда не согласятся зарабатывать так много, сидя на шерстяном мешке или на бархатной скамейке палаты пэров. Сами они не хотят питать издали платоническую нежность к труду. Для них труд действительно необходим, более необходим, чем наслаждение; для них труд и наслаждение сливаются в одно общее понятие, называющееся удовлетворением потребностей организма. Им необходима пища для утоления голода, им необходим сон для восстановления сил, и им точно так же необходим труд для сохранения, подкрепления и развивания этих сил, заключающихся в мускулах и в нервах. Без наслаждения они могут обходиться очень долго; без труда для них немыслима жизнь. Отказаться от труда они могут только в том случае, когда их разобьет паралич, или когда их посадят в клетку, или вообще когда они тем или

* Мой дорогой (англ.). — *Ред.*

другим путем потеряют возможность распоряжаться своими силами.

Размышляя часто и серьезно о том, что делается кругом, новые люди с разных сторон и разными путями приходят к тому капитальному заключению, что все зло, существующее в человеческих обществах, происходит от двух причин: от бедности и от праздности; а эти две причины берут свое начало из одного общего источника, который может быть назван хаотическим состоянием труда. Труд и вознаграждение находятся теперь между собою в обратном отношении: чем больше труда, тем меньше вознаграждения; чем меньше труда, тем больше вознаграждения. От этого на одном конце лестницы сидит праздность, а на другом бедность. И та и другая порождает свой ряд общественных зол. От праздности происходит умственная и физическая дряблость, стремление создавать себе искусственные интересы и увлекаться ими, потребность сильных ощущений, преувеличенная раздражительность воображения, разврат от нечего делать, поползновения помыкать другими людьми, мелкие и крупные столкновения в семейной и общественной жизни, бесконечные раздоры равных с равными, старших с младшими, младших с старшими, словом — весь бесконечный рой огорчений и страданий, которыми люди угощают друг друга без малейшей надобности и которых существование может быть объяснено только выразительною поговоркою: «с жиру собаки бесятся». От бедности идут страдания и материальные, и умственные, и нравственные, и какие угодно: тут и голод, и холод, и невежество, из которого хочется вырваться, и вынужденный разврат, против которого возмущается природа самых загроубелых созданий, и горькое пьянство, которого стыдятся сам пьяница, и вся ватага уголовных преступлений, которых нельзя было не совершить преступнику. На середине лестницы произведения бедности встречаются с произведениями праздности; тут меньше дикости, чем внизу, и меньше дряблости, чем сверху, но больше грязи, чем где бы то ни было; тут приходится ежиться, потому что хочется барствовать; приходится жить пятачок у кухарки или дворника, потому что надо ехать на гулянье; держать детей в холодной детской, потому что надо меблировать гостиную; есть испорченную говядину, потому что надо спать шелковую мантилью. По всей лестнице сверху донизу господствуют ненависть к труду и вечный антагонизм частных интересов. Немудрено, что труд производит при таких условиях мало продуктов; немудрено и то, что любовь к ближнему встречается только в назидательных книгах. Каждый рассуждает так или почти так: если, говорит, я прямо потяну с своего ближнего шубу, то меня за это не похвалят и посадят в полицию; но если я подведу под шубу кляузы и оттягаю ее тихим манером, то мне будет двойная выгода: во-первых, не надо будет вырабатывать себе шубу, во-вторых, всякий будет считать меня за умного и обходительного человека.

Не всем, однако, такое положение дел нравится; находятся отдельные личности, которые говорят праздным людям: «Вам скучно потому, что вы ничего не делаете; а есть другие люди, которые страдают потому, что бедны. Подите разыскивайте этих людей, помогайте им, облегчайте их страдания, входите в их нужды, и вам будет не так скучно, и им не так тяжело жить на свете». Это говорят хорошие люди, но новые люди этим не удовлетворяются. «Филантропия, — говорят новые люди, — такая же прекрасная вещь, как тюрьма и всякие уголовные и исправительные наказания. В настоящее время мудрено обойтись без того и другого, но настоящее время, подобно всем прошедшим временам, занимается только вечным замечанием и подчищением тех гадостей, которые оно само вечно производит на свет. Когда гадость произведена, ее, конечно, следует замести и подчистить, но не мешает подумать и о том, как бы на будущее время прекратить такое невыгодное производство гадостей. Филантропия сама по себе оскорбительна для человеческого достоинства и заключает в себе глубокую несправедливость; она принуждает одного человека зависеть в своем существовании и благосостоянии от произвольного добродушия другого такого же человека; она создает нищего и благотворителя и развращает и того и другого. Она не уничтожает ни бедности, ни праздности; она не увеличивает ни на одну копейку продукты производительного труда. В древнем Риме под видом раздач дарового хлеба, а в новейших католических государствах южной Европы под видом раздач даровых порций супа у монастырских ворот эта милая филантропия развратила вконец массы здоровой черни. Не богадельня, а мастерская может и должна обновить человечество. Здоровый человек, посаженный на необитаемый остров, может прокормить самого себя; силы человека увеличиваются в сотни и тысячи раз, когда он вступает в промышленную ассоциацию с другими людьми. Поэтому здоровый человек, живущий в цивилизованном обществе, может и должен собственным трудом прокормиться и одеться, приобрести себе образование и воспитать своих детей. Тут собственный труд не может быть заменен никаким другим ингредиентом. Труду нет простора, труд плохо оплачивается, труд порабощается, и от этих причин происходит все существующее зло.

Кто хочет бороться против зла, не для препровождения времени, а для того, чтобы когда-нибудь действительно победить и искоренить его, тот должен работать над решением вопроса: как сделать труд производительным для работника и как уничтожить все неприятные и тяжелые стороны современного труда? Труд есть единственный источник богатства; богатство, добываемое трудом, есть единственное лекарство против страданий бедности и против пороков праздности. Стало быть, целесообразная организация труда может и должна привести за собою счастье чело-

вещества. Говорить, что такая организация невозможна, значит подражать тем дряблым старикам, которые считают невозможным все, до чего не додумались их предшественники и современники. Складывать руки и вздыхать о несовершенствах всего земного, когда люди страдают от собственных глупостей, значит возводить эти глупости в законы природы и обнаруживать лень и робость мысли, недостойные человека свежего, честного и одаренного живым умом».

Так или почти так рассуждают о высоких материях новые люди; взглядевшись в эти рассуждения, каждый читатель, кроме «проницательного», увидит, что в них нет ничего ужасного и что в них, напротив того, много дельного. Искать обновления в труде во всяком случае гораздо рациональнее, чем видеть альфу и омегу человеческого благополучия в учреждении палаты депутатов или палаты пэров. Самая лучшая палата может только сберечь доходы страны, а хорошие мастерские могут удесятить этот доход, удесятيريا, кроме того, сумму физических, умственных и нравственных сил работников и приготавливая, таким образом, с каждым годом большее увеличение богатства, образованности и всеобщего благоденствия. Не глупо рассуждают новые люди, а всего лучше то, что не в рассуждениях о высоких материях проходит их время. Постоянно имея в виду общую задачу всего человечества, они между тем уже разрешили ее в приложении к своей частной жизни. Им труд приятен, и для них он производителен; нет ни одного нового человека, у которого не было бы его любимого труда, и этот труд для него не забава, а действительно цель и смысл всей жизни. Новый человек без своего любимого труда так же не мыслим, как не мыслим труд без него. Прежние люди заботились о своем положении в обществе и прежде всего старались составить себе карьеру и состояние, хотя бы пути, ведущие к тому и другому, внушали им глубочайшее отвращение. Для нового человека необходимо прежде всего, чтобы труд был ему по душе и по силам. До тех пор пока он не найдет такого труда, он ищет его; нашел — и кончено дело: тогда он влюбляется в него, работает с увлечением страсти, наслаждается всеми радостями творчества и чувствует, что он на белом свете не лишний. И нет такого нового человека, который не нашел бы себе любимого дела, потому что вообще нет того здорового человека, который не был бы на что-нибудь способен. И когда все работники на земном шаре будут любить свое дело, тогда все будут новыми людьми, тогда не будет ни бедных, ни праздных, ни филантропов, тогда действительно потекут те «молочные реки в кисельных берегах», которыми «проницательные читатели» так победоносно поражают негодных мальчишек. — Это невозможно, — рычит один из проницательных. — Конечно, невозможно, но было время, когда и паровые машины были совершенно невозможны. Что было, то прошло, а чему быть, тому не миновать.

III

Опираясь на свой любимый труд, выгодный для них самих и полезный для других, новые люди устроят свою жизнь так, что их личные интересы ни в чем не противостоят действительным интересам общества. Это совсем не трудно устроить. Стоит только полюбить полезный труд, и тогда все, что отвлекает от этого труда, будет казаться неприятною помехою: чем больше вы будете предаваться вашему любимому полезному труду, тем лучше это будет для вас и тем лучше это будет для других. Если ваш труд обеспечивает вас и доставляет вам высокие наслаждения, то вам нет надобности обирать других людей; ни прямо, ни косвенно, ни посредством воровства-мошенничества, ни посредством такой эксплуатации, которая не признана уголовным преступлением. Когда вы трудитесь, то ваши интересы совпадают с интересами всех остальных трудящихся людей; вы сами — работник, и все работники — ваши естественные друзья, а все эксплуататоры — ваши естественные враги, потому что они в то же время враги всему человечеству, в том числе и себе самим. Если бы все люди трудились, то все были бы богаты и счастливы; но если бы все люди эксплуатировали своих ближних, не трудясь совсем, тогда эксплуататоры поели бы друг друга в одну неделю, и род человеческий исчез бы с лица земли. Поэтому кто любит труд, тот, действуя в свою пользу, действует в пользу всего человечества; кто любит труд, тот сознательно любит самого себя, тот в самом себе любит бы всех остальных людей; если бы только не было на свете таких господ, которые невольно или умышленно мешают всякому полезному труду.

Новые люди трудятся и желают своему труду простора и развития; в этом желании, составляющем глубочайшую потребность их организма, новые люди сходятся со всеми миллионами всех трудящихся людей земного шара, всех, кто сознательно или бессознательно молит бога и просит ближнего, чтобы не мешали ему трудиться и пользоваться плодами труда. Единство интересов порождает сочувствие, и новые люди горячо и сознательно сочувствуют всем действительным потребностям всех людей. Каждая человеческая страсть есть признак силы, ищущей себе приложения; смотря по тому, как эта сила будет приложена к делу, данная страсть будет называться добродетелью или пороком и будет приносить людям пользу или вред, выгоду или убыток. Силы и страсти, приложенные к эксплуатации ближнего, должны умеряться какими-нибудь нравственными мотивами, потому что иначе они подведут человека путем порока под уголовный суд; но силы и страсти, направленные на производительный труд, могут безвредно расти и развиваться до каких угодно размеров. Люди, живущие эксплуатациею, должны остерегаться исключительного эгоизма, потому что такой эгоизм лишает их всякого